

Иван Горбунов

Сцены из народного быта

Иван Федорович Горбунов

Сцены из народного быта

Аннотация

«– Что это за народ собрамши?

– Бог их знает... с утра стоят.

– Не насчет ли солонины?

– Какой солонины?

– Да ведь как же: этот хозяин кормил фабрику солониной, но только теперича эту самую солонину запечатали, потому есть ее нет никакой возможности.

– Это вы насчет солонины-то? Нет, уж он им три ведра поставил: распечатали, опять жрут...»

Содержание

Затмение солнца	4
У пушки[2]	9
Воздухоплаватель	11
Мастеровой[3]	15
У квартального надзирателя[4]	17
У мирового судьи	22
Развеселое житье	25
Жестокие нравы	29
Просто случай	33
С широкой масленицей	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Иван Горбунов

Сцены из народного быта

Затмение солнца

Сцена из московского захолустья¹

– Что это за народ собрамши?

– Бог их знает... с утра стоят.

– Не насчет ли солонины?

– Какой солонины?

– Да ведь как же: этот хозяин кормил фабрику солониной, но только теперича эту самую солонину запечатали, потому есть ее нет никакой возможности.

– Это вы насчет солонины-то? Нет, уж он им три ведра поставил: распечатали, опять жрут...

– Да, уж эта солонина!..

– Что это за народ собрамши?

– Разно говорят: кто говорит – на небе неладно, кто говорит – купец повесился...

¹ В журнале «Еженедельное новое время» (1879, № 6–7) рассказ начинался описанием места действия: «Московское захолустье, одно из тех, где деревянные заборы, деревянные дома на каменном фундаменте и где древность первопрестольного града доказывается пребыванием на улице домашней птицы и свиней. На улице толпа народа».

– А мы из Нижнего ехали... пьяные... Едем мы, пьяные, и сейчас эта комета прямо к нам в тарантас... инда хмель соскочил! Я говорю: «Петр Семенов, смотри!» «Я, говорит, уж давно вижу», а сам так и трясется...

– Затрясешься, коли, значит... богу ежели что... Все мы люди, все человеки...

– «Не оборотить ли, говорит, нам назад?» – «Бог милостив, говорю, от судьбы не уйдешь, давай лучше выпьем, а она, матушка, может стороной пройдет. Хвост уж очень разителен!.. Такой хвост, я тебе доложу, что просто...»

– Грехи наши тяжкие... Слаб есть человек! Вот хоть бы теперь! Этакое наказание божеское, а сколько народу пьяного.

– Без этого нельзя: иной опасается, а другой так опосля вчерашнего поправляется.

– Нет, вы докажите!

– И докажу!

– Одно ваше невежество!

– Извольте говорить, мы слушаем. Вы говорите...

– Я вас очень хорошо знаю: вы – московский мещанин и больше ничего!

– Оченно это может быть, а вы про затмение докажите. Вы только народ в сумнение привели!.. Из-за ваших пустых слов теперича этакое собрание!.. Городовой! Городовой!..

– Вот он тебе покажет затмение!..

– Да, наш городовой никого не помилует!

– Докажите!

– Живем мы тихо, смиренно, благородно, а вы тут пришли – всех взбудоражили.

– Хозяйка наша в баню поехала и сейчас спрашивает: «Зачем народ собирается?» А кучер-то, дурак, и ляпни: «Затмения небесного дожидаются...» Сырой-то женщине!..

– Образование!

– Так та и покатила! Домой под руки потащили...

– Он с утра здесь путается. Спервоначально зашел в трактир и стал эти свои слова говорить. «Теперича, говорит, земля вертится», а Иван Ильич как свистнет его в ухо... «Разве мы, говорит, на вертушке живем?»

– Дикая ваша сторона, дикая!..

– Мы довольны, слава тебе, господи!..

– Господин, проходите!

– Барин, ступай лучше, откуда пришел, а то мы тебе лопатки назад скрутим...

– Смотри-ко, что народу подваливает.

– Горяченькие пирожки! У меня со вкусом! Так и кипят!

– Что это за народ собрамши?

– Вон пьяный какой-то выскочил из трактиру, наставил трубочку на солнышко, говорит – затмение будет.

– А где же городской-то?

– Чай пить пошел.

– Надо бы в часть свести.

– Сведут, это уж бесприменно...

– За такие дела не похвалят.

– Все в трубочку глядит; может, что и есть.

– У нас на Капказе, на правом фланге, у ротного командира во какая труба была... все наскрозь видно... Ночью ли, днем ли, как наставит – шабаш: что-нибудь да есть.

– Начало затмения! Вот, вот, вот... Сейчас, сейчас, сейчас...

– А вот и городской идет.

– Сейчас выручит!

– Вот, господин городской, теперича этот человек...

– Осади назад!

– Теперича этот человек...

– Неизвестный он нам человек...

– Позвольте, спервоначалу здесь был... вышел он, примерно, из трактира... но только народ, известно, глупый... и стал сейчас...

– Не наваливайте... которые!.. Осадите назад!

– Иван Павлыч, ты наш телохранитель, выручи! Выпил я за свои деньги...

– Вы тогда поймете, когда в диске будет.

– Почтенный, вы за это ответите!

– За что?

– А вот за это слово ваше нехорошее.

– Выскочил он из трактира...

– Сейчас затмится!

– Может, и затмится, а вы, господин, пожалуйста в участок.

Этого дела так оставить нельзя.

– Как возможно!

– Может, хозяйка-то наша теперича на тот свет убралась по твоей милости.

– Хотел на божью планиду, а попал в часть...

– На Капказе бы за это...

– Сколько этого глупого народу на свете!..

«Еженедельное новое время» № 6–7, 1879 г.

У пушки²

– Ребята, вот так пушка!

– Да!..

– Уж очень, сейчас умереть, большая!..

– Большая!..

– А что, ежели теперича эту самую пушку, к примеру, зарядят да пальнут...

– Да!

– Особливо, ядром зарядят.

– Ядром ловко, а ежели бонбой, ребята, – лучше.

– Нет, ядром лучше!

– Да бонбой дальше.

– Все одно, что ядро, что бонба!

– О, дурак-черт! Чай ядро – особь статья, а бонба – особь статья.

² Один из самых ранних рассказов И. Ф. Горбунова. Журнальный вариант («Общезанимательный вестник», 1857, № 13), в котором много разночтений с каноническим текстом, назывался «Любознательные» и начинался со спора фабричных о том, где лучше провести свой отдых – «разгуляться». – Куда, ребята? – Разгуляться вышли. – Пойдемте в Кремль. – Ничего, пойдемте. – Нет, ребята, это опосля дело будет, а таперича пойдемте к Семену Алексеичу в Низок [В трактир, (Прим, И. Ф. Горбунова)], соловья послушаем, три пары выпьем, а там... – Коего черта соловьев слушать! Велика эта птица... – Известно, если кто этого чувствовать не может, тому все одно. – Ну да, подводи резоны-то... Пойдемте, ребята, в Кремль. – Нам все одно. (В Кремле останавливаются перед Царь-пушкой)

- Ну, что врешь-то!
- Вестимо! Ядро теперича зарядят, прижгут – оно и летит.
- А бонба?
- Чаво бонба?
- Ну, ты говоришь – ядро летит... а бонба?
- А бонба другое.
- Да чаво другое-то?
- Бонбу ежели, как ее вставят, так-то... туда.
- Так что же?
- Бонбу...
- Ну?...
- Вставят... и ежели оттеда...
- Чаво оттеда?...
- Ничаво, а как собственно... Пошел к черту!

«Общезанимательный вестник» № 13, 1857 г.

Воздухоплаватель

Сцена

Около воздушного шара толпа народа.

– Скоро полетит?

– Не можем знать, сударь. С самых вечереи надувают; раздуть, говорят, невозможно.

– А чем это, братцы, его надувают?

– Должно, кислотой какой... Без кислоты тут ничего не сделаешь.

– А как он полетит – с человеком?

– С человеком... Сам немец полетит, а с им портной.

– Портной?!

– Портной нанялся лететь... Купцы наняли...

– Портной!

– Пьяной?

– Нет, чрезвычайный, как следовало.

– Портной!.. Зачем же он летит?

– Запутался человек, ну и летит. Вестимо, от хорошего житья не полетишь, а значит, завертелся...

– Мать его там, старушка, у ворот стоит плачет... «На кого ты, говорит, меня оставляешь?» – «Ничего, говорит, ма-тушка, слетаю, опосля тебе лучше будет. Знать, говорит, мне судьба такая, чтобы, значит, лететь».

– Давай мне теперича, при бедности моей, тысячу целковых да скажи: Петров, лети!..

– Полетишь?

– Я-то?

– Ты-то?

– Ни за что! Первое дело – мне и здесь хорошо, а второе дело – ежели теперича этот портной летит, самый он выходит пустой человек... Пустой человек!.. Я теперича осьмущечку выпил, бог даст – другую выпью и третью, может, по грехам моим... а лететь мы несогласны. Так ли я говорю? Несогласны!

– Где же теперича этот самый портной?

– А вон ему купцы водки подносят.

– Купец уболаготворит, особливо ежели сам выпивши.

– Все пьяные... Уж они его угощали и целовать пробовали – все делали. А один говорит: «Ежели, бог даст, благополучно прилетишь, я тебя не забуду».

– Идет, идет... Портной идет...

– Кто?

– Посторонись, братцы...

– Портной идет...

– Это он самый и есть?

– Он самый...

– Летишь?

– Летим, прощайте.

– Нас прости, Христа ради, милый человек.

– Прощай, брат! Кланяйся там... Несчастный ты человек, вот я тебе что скажу! Мать плачет, а ты летишь... Ты хошь бы подпоясался...

– Это дело наше...

– Но только ежели этот пузырь ваш лопнет, и как ты от-тедова турманом... в лучшем виде... только пятки засверкают...

– Смотри-ка, братцы, купцы его под руки повели, сейчас, должно, сажать его *будут*.

– Ты что за человек?...

– Портной...

– Какой портной?

– Портной с Покровки, от Гусева. Купцы его лететь наняли.

– Лететь! Гриненко, сведи его в часть.

– Помилуйте...

«Я те полечу! Гриненко?... Извольте видеть!.. Лететь!..

Гриненко, возьми...

– Поволокли!..

– Полетел голубчик!

– Да за такие дела...

– Народ-то уж очень избаловался, придумывает, что чудней!..

– Что это, мошенника повели?

– Нет, сударь, портного...

– Что же, украл он что?

– Никак нет, сударь. Он, извольте видеть... бедный он человек... и купцы его наняли, чтобы сейчас, значит, в шару лететь.

– На воздушях...

– А квартальному это обидно показалось...

– Потому – беспорядок...

– Летит, братцы, летит... Трогай!..

– И как это возможно без начальства лететь?!

Сборник «Складчина», 1874 г.

Мастеровой³

(Мастеровой пришел к своему хозяину сказать, что он женится)

– Что ты?

– Да я, Кузьма Петрович, к вашей милости...

– Что?

– Так как, значит, очень благодарны вашей милостью...

почему что сызмальства у вас обиход имеем...

– Так что же?

– Ничаво-с! Теперича я, значит, в цветущих летах... матушку, выходит, схоронил...

– Ну, царство небесное.

– Вестимо, царство небесное, Кузьма Петрович... московское дело... за гульбой пойдешь...

– Да что ж ты лясы-то все точишь?

– Известно, какое наше дело...

– Денег, что ли?

– Благодарим покорно. Туточка вот у Гужонкина ундер живет... у него, значит, сторож...

³ Один из самых ранних рассказов И. Ф. Горбунова. В журнале «Общезанимательный вестник» (1857, № 1) рассказ начинался ремаркой автора: «Мастеровой мужик, живущий на фабрике, пришел к своему хозяину сказать, что он женится. Отворил дверь и, видя, что никого нет в комнате, начинает кашлять, чтобы этим дать почувствовать свое присутствие. Хозяин входит».

– Да.

– А она и его дочь...

– Ну?

– В прачешной должности состоит и портному обучена...

– Тебе-то какое же дело?

– То есть... выходит... по своему делу, а он его... сторож...

– Так тебе-то что же?

– Законным браком хотим.

– Ну, так женись.

– То-то. Я вашей милости доложить пришел.

«Общезанамательный вестник» № I. 1857 г.

У квартального надзирателя⁴

Квартальный надзиратель.

Григорьев, его слуга.

Купец.

Иван Ананьев, фабричный.

Квартальный надзиратель (*сидит утром в канцелярии и читает бумаги*). «А посему Московская управа благочиния⁵...» Григорьев!

Григорьев. Чого звольте, ваше благородие?

Квартальный надзиратель. Вели приготовить селедку с яблоками.

Григорьев. Слушаю, ваше благородие.

Квартальный надзиратель (*читает*). «Навести надлежащие справки...»

Купец входит.

Квартальный надзиратель (*оборачиваясь*). Кто тут?

Купец. Это, батюшка, я-с.

Квартальный надзиратель. Что за человек?

Купец. Я здешний обыватель.

Квартальный надзиратель. Что тебе нужно?

⁴ Первый рассказ И. Ф. Горбунова создан в 1853 году. Впервые опубликован в журнале «Общезанимательный вестник» (1857, № 1) под заголовком «Сцена из домашней жизни квартального надзирателя».

⁵ ... *Управа благочиния* – учреждение, ведающее городской полицией.

Купец. Я к вам, батюшка, со всепокорнейшею просьбой.

Квартальный надзиратель. Например?

Купец. У меня есть до вас, батюшка, казусное дело.

Квартальный надзиратель. Казусное? Какого роду?

Купец. Дело, батюшка, вот какого роду, не бессудьте, ваше благородие, позвольте вам для домашнего обиходу три рублика...

Квартальный надзиратель. Прошу вас садиться.

Купец. Постоим, ваше благородие... Постоять можем...

Квартальный надзиратель. Какое ваше дело?

Купец. Небезызвестно вашей милости, что у меня в вашем фартале находится дом и деревянным забором обнесенный...

Квартальный надзиратель. Да.

Купец. В оноем самом доме у меня производится фабрика, ткут разные материи.

Квартальный надзиратель. Потом?

Купец. Был я, сударь...

Квартальный надзиратель. Садитесь, садитесь...

Купец. Ничего-с. Был я, сударь, в субботу в городе, да маленько, признаться, замешкамшись... Бегу из городу-то почитай что бегом, думаю, хозяйка ждет по семейному делу, чай пить...

Квартальный надзиратель. Ну да, дело семейное...

Купец. А на фабрике у меня есть крестьянин Иван Ананьев...

Квартальный надзиратель. Что же, он пьян, что ли, напил-ся?... Буйство, что ли, какое наделал?

Купец. Это бы, сударь, ничего, это при ем бы и осталось; он у меня украл срезку.

Квартальный надзиратель. Что такое – срезку?

Купец. А это, выходит, как ежели теперича, собственно, материя, которая, значит, по нашему делу...

Квартальный надзиратель. Понял!

Купец. Я ему говорю: «Иван Ананьев, пойдем к фарталь-ному». – «Я-ста, говорит, твоего фартального не боюсь».

Квартальный надзиратель. Как так? Григорьев!..

Купец. Я говорю: «Как не боишься? Всякий благородный человек ударит тебя по морде и ты ничего не поделаешь, а наипаче фартальный надзиратель...»

Квартальный надзиратель. Григорьев!

Купец. Ведь оно, ваше благородие, нашему брату без сум-ления кажинную вещь пропускать нельзя, почему что всего капиталу решишься.

Квартальный надзиратель. Григорьев!

Купец. Опять же говорю, что фартальный у нас якобы, значит... примерно... выходит...

Григорьев, потом Иван Ананьев.

Григорьев. Чого звольте, ваше благородие?

Квартальный надзиратель. Дурак.

Григорьев. Слушаю, ваше благородие!

Квартальный надзиратель. Дай мне сюда Ивана Ананьева.

Григорьев (*отворяя дверь*). Кондратьев! И де вин тут Иван Ананьев?... Который? Давай его к барину... Иван Ананьев!..

Иван Ананьев входит.

Квартальный надзиратель. Как тебя зовут?

Иван Ананьев. Сейчас умереть, не брал.

Квартальный надзиратель. Чего?

Иван Ананьев. Не могу знать чего.

Квартальный надзиратель. Отправь его в частный дом.

Иван Ананьев. Кузьма Петрович только мораль на меня пушает, почему что как я ни в каком художестве не замечен...

Квартальный надзиратель. Возьми его!

Григорьев. Кондратьев!..

Купец. Благодарим покорно. Больше ничего не требуется?

Квартальный надзиратель. Там в канцелярии напишите объяснение.

Купец. Слушаю. (*Уходит.*)

Квартальный надзиратель. Григорьев!

Григорьев. Чого звольте, ваше благородие?

Квартальный надзиратель. Дай мне мундир.

Григорьев. Да вин увесь в пятнах, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Как?!

Григорьев. Не могу знать.

Квартальный надзиратель. А можно их вывести?

Григорьев. Можно, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Чем?

Григорьев. Не могу знать.

Квартальный надзиратель. Я думаю, скипидаром.

Григорьев. И я думаю, що скипидаром.

Квартальный надзиратель. Да ведь вонять будет...

Григорьев. Вонять будет, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. А может, не будет.

Григорьев. Ничего не будет, ваше благородие... (*Приносит обратно.*) Готов, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Что?

Григорьев. Ничего.

Квартальный надзиратель. Воняет?

Григорьев. Воняет, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Скверно.

Григорьев. Скверно, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Да ведь, я думаю, незаметно.

Григорьев. И я думаю, що незаметно. Звольте надевать.

«Общезанимательный вестник» № 1. 1857 г.

У мирового судьи

Комната мирового судьи, перед столом стоят два приказчика из Апраксина двора.

Мировой судья. Вы обвиняетесь в том, что в гостинице «Ягодка» вымазали горчицей лицо трактирному слуге...

Первый. Бушевали мы – это точно.

Мировой судья. Разбили зеркало...

Первый. За все за это заплачено и мальчишке дадено, что следует.

Мировой судья. Так вы признаете себя виновным?

Первый. Какая же в этом есть моя вина?... Ежели я за свои деньги...

Мировой судья. Вы вместе были?

Второй. Так точно!..

Мировой судья. Признаете себя виновным?

Второй. Никак нет-с!

Мировой судья. В протоколе написано, что вы...

Второй. Что ж, я за два двугривенных какой угодно протокол напишу.

Мировой судья. Вы так не выражайтесь.

Второй. Тут выраженьев никаких нет.

Мировой судья. Расскажите, как дело было.

Свидетель. Про которые они про деньги говорят, я их не

получал. А что как они пришли и, между прочим, выпимши, и сейчас приказали, чтобы селянку и большой графин, а опосля того бутылку хересу. Как сейчас выпили, так и закуражились.

Первый. Ежели я тебе лицо мазал...

Мировой судья. Молчите.

Первый. Как угодно, только он все врет...

Защитник. Позвольте предложить свидетелю вопрос.

Мировой судья. Вы кто такой?

Защитник. В качестве защитника.

Мировой судья. После.

Свидетель. Сейчас закуражились и сейчас стали меня терзать.

Мировой судья. Как терзать?

Свидетель. За волосы.

Мировой судья. Кто из них?

Свидетель. Вот они.

Первый. Собственно, все это пустяки.

Защитник. Позвольте предложить вопрос свидетелю.

Мировой судья. Я вам сказал, что после.

Свидетель. Ну, опосля того мазать меня горчицей стали.

Гость один говорит: «Что вы, господа купцы, безобразничаете?» А они говорят: «Мы за свои деньги».

Мировой судья. Так это было?

Первый. Может, я был очень выпимши, не помню. А что ежели и смазали маленько – беды тут большой нет; если бы

мы его скипидаром смазали... опять и деньги мы за это заплатили. Коли угодно, виноватым я буду.

Мировой судья. А вы?

Второй. Мы остаемся при своем показании.

Защитник. Теперь можно защитнику?

Мировой судья. Можно.

Защитник. Господин мировой судья! Чистосердечное раскаяние, принесенное в суде, на основании нового законоположения, ослабляет... Закон разрешает вам по внутреннему убеждению, а потому я прошу вас судить моего доверителя по внутреннему убеждению. Я отвергаю здесь всякое преступление. Я долго служил в Управе благо...

Мировой судья. Позвольте, господин защитник. Вы в каком виде?

Защитник. Чего-с?

Мировой судья. Вы в каком виде пришли сюда?

Защитник. В каком-с?

Мировой судья. Я вас штрафую тремя рублями. Извольте выйти вон.

Защитник: Скоро, справедливо и милостиво!

«Сцены из народного быта», 1874 г.

Развеселое житье

Сцена

Купец. Наслышаны мы об вас, милостивый государь, что, например, ежели что у мирового – сейчас вы можете человека оправить.

Адвокат. А у вас дело есть?

Купец. Дело, собственно, неважное, пустяки, выходит... Не мы первые, не мы последние... известно, глупость наша...

Адвокат. Скандал сделали?

Купец. Шум легонькой промежду нас был.

Адвокат. В публичном месте?

Купец. Как следует... при всей публике.

Адвокат. Нехорошо!

Купец. Действительно, хорошего мало.

Адвокат. Где же это было?

Купец. На Владимирской... такое заведение там прилажено.

Адвокат. В «Орфеуме»?

Купец. В этом самом. (*Молчание.*) Ежели я теперича, милостивый государь, человека ударю, что мне за это полагается?

Адвокат. В тюрьме сидеть.

Купец. Так-с!.. Долго?

Адвокат. Смотря как... недели три... месяц...

Купец. А ежели я купец, например, гильдию плачу.

Адвокат. Тогда дольше: месяца два, а то и три.

Купец. Конфуз!.. (*Молчание.*) А ежели он с своей стороны тоже действовал и оченно даже... можно сказать, сокрушить хотел?

Адвокат. Да расскажите мне все, что было. Садитесь. Расскажите по порядку.

Купец. Порядок известный – напильсь и пошли чертить. Вот изволите видеть: собралось нас, примерно, целое общество, компания. Ну, а в нашем звании, известно, разговору без напитку не бывает, да и разговор наш нескладный. Вот собрались в Коммерческую, ошарашили два графина, на шампанское пошли. А шампанское теперича какое? Одно только ему звание шампанское, а такой состав пьем – смерть! Глаз выворачивает!.. Который непривычный человек, этим ежели делом не занимается, с одной бутылки на стену лезет.

Адвокат. А не пить нельзя?

Купец. Для восторгу пьем. Больше делать нечего. Ну, заправились как должно – поехали. Путались-путались по Санкт-Петербургу-то, метались-метались – в «Эльдорадо» приехали. Опять та же статья, сызнава... Поехали по домам-то, один из нашего общества и говорит: «Давайте, говорит, прощальный карамболь⁶ сделаем, разгонную бутыл-

⁶ Карамболь – бильярдный термин, означающий особый удар по шару, при ко-

ку выпьем, чтобы все чувствовали, что мы за люди есть». Сейчас на Владимирскую. Мыслей-то уж в голове нет, стыда этого тоже, только стараешься как бы все чудней, чтобы публика над тобой тешилась. Набрали этого самого женского сословия – там его видимо-невидимо, – угощать стали. Угощали-угощали – безобразничать. Подошел какой-то, – не то господин, не то писарь: «Нешто, говорит, так с дамами возможно? Это, говорит, ваше одно необразование». Кто-то с краю из нашей компании сидел, как свистнет его: «Вот, говорит, наше какое образование». Так тот и покатился. Ну, и пошло!.. Вся эта нация завизжала! Кто кричит – полицию, кто кричит – бей!

Адвокат. А вы били кого-нибудь?

Купец. Раза два смазал кого-то... подвернулся.

Адвокат. Прежде вы за буйство не судились?

Купец. При всей публике?

Адвокат. Да, у мирового судьи?

Купец. У квартального раза два судился прежде. тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю – и кончено. А теперича и дороже стало, и страму больше. Адвокат. Сраму больше.

Купец. В газетах не обозначат?

Адвокат. Напечатают.

Купец. А ежели, например, пожертвовать на богадельню

тором намеченный шар поражается рикошетом от столкновения с другим шаром. На купеческом жаргоне слово «карамболь» означало крупный скандал.

или куда?

Адвокат. Ничего не поможет.

Купец. Беспременно уж, значит, сидеть?

Адвокат. Я думаю.

Купец. Все одно, как простой человек, с арестантами?

Адвокат. Да.

Купец. Из-за пустого дела!.. Хлопочи вот теперь, траться. Сейчас был тоже у одного адвоката, три синеньких⁷ отдал.

Адвокат. За что?

Купец. За разговор. «Я, говорит, твое дело выслушаю, только мне, говорит, за это пятнадцать рублей и деньги сейчас». Ну, отдал, рассказал все как следует...

Адвокат. Что же он?

Купец. Взял он эти деньги: «Уповай, говорит, на бога».

Адвокат. И больше ничего?

Купец. Ничего! «Уповай, говорит, на бога», – и шабаш!

«Сцены из народного быта», 1874 г.

⁷ Три синеньких – три пятирублевые ассигнации.

Жестокие нравы

Васенька, молодой купец, щеголевато одетый, белокурый, выражение лица тупое.

Настенька, его жена, красавица, лет 19.

Настенька. Вася, да полно же, наконец! Ведь это ужасно скучно!

Васенька. А мне весело!

Настенька. Приятно, что ли, терпеть твое безобразие-то? Два месяца как женился и ни одной почти ночи даже не ночевал.

Васенька. Как ни одной? Третьего дня не ночевал, это точно. Ну, сегодня...

Настенька. Ну, вот сегодня: в котором ты часу приехал?

Васенька. В раннюю обедню. На Болвановке⁸ ударили, как я подъехал. У Никона Никоныча стражение было и засиделись.

Настенька. Какое сражение?

Васенька. Обыкновенно какое – в тринку⁹ играли. После на тройке сделали... у Натрускина цыган послушали. Все честь-честью, как следует. Дай только бог, чтобы это не в последний раз в сей нашей кратковременной жизни.

⁸ *Болвановка* – местность в Замоскворечье.

⁹ *Тринка* – азартная карточная игра.

Настенька. Ну уж и жизнь!.. Господи!

Васенька. Тяжелая! Так вчерашнего числа наша компания лики свои растушевала, такие на них колера навела, даже до невозможности. До саней-то насилу доползли.

Настенька. И ты так говоришь об этом спокойно.

Васенька. Что ж, плакать, что ли? Ну, напились, что за важность! Мадера такая попалась... В нее не влезешь: черт их знает, из чего они ее составляют. Пьешь... ничего, а как встал – кусаться хочется. Обозначено на ярлыке «Экстра», этикет утвержден, ну и давай. После к «Яру»¹⁰ заезжали. Иван Гаврилович певицу чуть не убил.

Настенька. Фу, какая гадость!

Васенька. Ничего, тут нет особенного, целоваться лез, а та препятствовала. Счастья своего не понимала. Поцеловала бы раз, другой – сотенная и в кармане.

Настенька (*с отворачиванием*). Тьфу!

Васенька. Да и человека-то острамила: протокол составили, к мировому потащут.

Настенька. Ах, как я рада!

Васенька. Чему радоваться-то? С человеком несчастье, а она радуется. Ежели у него такой характер?

Настенька. Обижать женщину?

Васенька. Да какая в этом есть обида? За свои деньги...

Настенька (*с упреком*). Вася, зачем ты женился?

Васенька. Что ж, мне вред, что ли, от этого? Окромя удо-

¹⁰ «Яр» – московский ресторан за Тверской заставой.

вольствия, ничего!

Настенька. А мне-то какое удовольствие?

Васенька (*поет*).

Что мне до шумного света,

Что мне друзья и враги...

Обожаю! Растопится твое сердце... Да полно плакать ты, дура!

Что мне до шумного света...

Настенька. Скоро же твоя любовь прошла...

Васенька. Да она не проходила. Разве в этом любовь состоит, чтобы дома сидеть. Любовь в том состоит – взвился теперь, закружился, выпил что следует, удовольствовал свою душу – домой! Все у тебя тихо, смирно, хорошо. Вот это любовь!

Настенька. Да я-то при чем же тут?

Васенька.

Что мне до шумного света,

Что мне друзья и враги...

Теперь бы хорошо мочененького яблочка. Душа после вчерашнего ноет. Порфирий, скажи бабушке, чтобы моченых яблочек...

После 1881 г.

Просто случай

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Петрович Вихров, купец, 50 лет.

Настасья Климовна, его жена.

Дарья Спиридоновна, двоюродная сестра его.

Акулина Андреевна, купчиха, вдова.

Петр Амосович, обедневший купец, проживающий в доме Вихрова.

Щурков, неопределенная личность.

Кухарка в доме Вихрова.

ЯВЛЕНИЕ I

Настасья Климовна сидит за столом и плачет. Дарья Спиридоновна входит.

Настасья Климовна. А уж я, матушка, за тобой посылать хотела.

Дарья Спиридоновна. Что это вы, сестрица? Что с вами?

Настасья Климовна. Нужна ты мне больно. Садись-ка.

Дарья Спиридоновна. Крестник вам кланяется, сестринька. Ведь уж он у нас, сестрица, на покров стал дыбочек сто-

ять... А я все эти дни-то измучилась, сестринька. Ведь у меня внизу жилец третий месяц ни копейки не платит.

Настасья Климовна. Что твое горе, кумушка!.. Моего-то ты горя не знаешь.

Дарья Спиридоновна (*с удивлением*). Да что у вас такое?

Настасья Климовна (*сквозь слезы*). Ведь Иван-то Петрович четвертый день домой глаз не показывает.

Дарья Спиридоновна. Что вы? Да как же это?

Настасья Климовна. Так. Уехал к городовому¹¹ да вот...

Дарья Спиридоновна. На своей лошади-то?

Настасья Климовна. На своей. Да и лошади-то нет. Бог знает, что с ним делается теперь. (*Плачет.*)

Дарья Спиридоновна. Что ж вы так убиваетесь-то, сестрица? Его дело мужское: может, что и нужное делает.

Настасья Климовна. И ведь никогда с ним этого не было. Вот двадцать лет живем – впервой такая оказия.

Дарья Спиридоновна. Вы бы, сестрица, на картах разложили.

Настасья Климовна. Раскладывала, да ничего не действует. Веришь ли богу, кумушка, вся душенька-то у меня выболела. Чего-чего уж я не придумала: и убили-то его, и утонул-то он, и с Ивана Великого как не упал ли...

Дарья Спиридоновна. Что это вы какая мнительная! Молоденький, что ли, он?... Пойдет он на Ивана Великого!.. Его и на парадное крыльцо ведут под руки...

¹¹ Городовыми называются иногородние купцы в Москве. – И. Г.

Настасья Климовна. Да ведь все может быть... Вот нонче сон опять какой страшный...

Дарья Спиридоновна. А вы что видели, сестрица?

Настасья Климовна. Ох!.. Вот вишь ты: будто бы я стою на горе...

Дарья Спиридоновна. Да-с.

Настасья Климовна. Только будто бы Иван-то Петрович пьяный-распьяный стоит да на меня пальцем грозит.

Дарья Спиридоновна. Ишь, страсти какие!

Настасья Климовна. А лошадь-то будто бы...

Дарья Спиридоновна. Вы бы, сестрица, к Ивану Яковлевичу съездили. Я к нему за всяким делом хожу. Вот, бывало, мой покойник запыет – я и к нему. Бывало, только и спросишь: «Иван Яковлевич, что будет рабу Симиону?» Сейчас скажет алн так на бумажке напишет. Настасья Климовна. Боюсь я одного, кумушка, как он да нехристианскую смертью помер-то» *(Плачет.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Акулина Андреевна.

Настасья Климовна. Матушка, Акулина Андреевна, не знаешь ты моего горя... не пожалеешь ты меня...

Акулина Андреевна. Пожалела бы я тебя, когда бы не так глупа была.

Настасья Климовна *(вскакивая со стула)*. Да вы разве, го-

лубка, слышали что?

Акулина Андреевна. Это вот ты тут на боку-то лежишь, а я все документы разведала.

Настасья Климовна (*бросаясь к ней*). Матушка, успокой ты меня, скажи, что с ним сделалось? Какой он смертью-то помер?

Акулина Андреевна. Еще он нас с тобой переживет... Да кабы на мой ндрав такие дела, да я бы его... На что это похоже? Пристало ли старику?...

Настасья Климовна. Да где же он?

Акулина Андреевна. Да у меня волос дыбом стал, как мне сказали... И ты дура будешь, если не сделаешь по-моему. Да я бы из его бороды весь пух выщипала! Он, матушка ты моя, не тебе будь сказано, изволит в Марьиной роще с цыганками...

Настасья Климовна. Ах!..

Акулина Андреевна. Все с себя пропил. Лошадь-то ваша теперь в депе, вчера в депо взяли: пьяный Тимошка задавил кого-то.

Дарья Спиридоновна. Что это вы, Акулина Андреевна, во сне или к зубам? Да разве братец пьет?

Акулина Андреевна. Уж молчи, коли тебя бог обидел...»
Потакай пьяницам-то. Твой такой же сокол был, вспомни-ка, сколько раз...

Дарья Спиридоновна. Уж вы всегда бедных-то людей...

Акулина Андреевна. Да ты роли-то не представляй! (*Об-*

ращаясь к Настасье Климовне.) Ну, что ты, матушка, стоишь-то? Одевайся. Тащи его домой да опозорь его хорошенько, да в бороду-то ему наплюй при всем честном народе, чтоб он блажь-то в голову не запускал.

Дарья Спиридоновна. Что ж, сестрица, поезжайте! Может, с братцем, в самом деле, какое несчастье; он вас-то скорей послушает.

Настасья Климовна. А ну, как он да без нас сюда приедет?!

Акулина Андреевна. Точи лясы-то! *(Берет ее за руку и уводит.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Кухарка *(из дверей)*. Что, матушка, искать поехали? Да уж где найтить! Ты, Спиридоновна, этому не дивуйся: это он от ней и бедствует-то. Я, матушка, у господ жила, да такой май-то не привидывала. Бывало, барыня прикажет тебе распорядиться там, а эта день-деньской торчит все в кухне да по горшкам нюхает. А ругаться-то пойдет... да я такой обидчицы в жизнь мою не привидывала! И такая-то ты, и сякая-то ты... тьфу! Ведь у них, матушка, за что дело-то вышло: на-медни сидят они так-то за чаем, а она ему все в уши: «Пиши, говорит, духовную: не ровен час – помрешь, меня по мирупустишь». А он так-то залился слезами: «Да что ж, говорит, ужли тебе, говорит, моей смерти пожелалось?...» Уж она у нас, матушка, такая клятая; у них и род-то весь такой.

Вот когда сестра ее придет, семь разов в день самовар поставишь...

Дарья Спиридоновна. Вижу, красавица, сама вижу, какие она с ним язвы-то делает. Уж она испокон веку такая мытарка была, через ее милость и мы в бедность произошли. Это братца бог наказывает за то, что он родных не послушал, против нашей воли женился. Мы ему тогда говорили: «Погодите, братец, мы вам худа не желаем, свет-то ведь не клином сошелся, мы вам найдем невесту богатую, из хорошего рода». – «Нет, говорит, не могу с своим сердцем управиться». Вот теперь и управляйся!

Кухарка. Да она, должно, приворожила его.

Дарья Спиридоновна. Нет, матушка, ему судьба такая, его опутали. Взял-то он ее в одном платьишке; обул, одел ее, сапогов ей разных нашил. Как поступила она в богатство-то – и давай мудровать! И то не так, и другое не так. Иван-то Петрович терпел-терпел, да с горя-то, должно быть, и запил.

Кухарка. Э!

Дарья Спиридоновна. Так мы, матушка, и обмерли! Да четыре года после этой оказии и курил. Чего-чего тогда с ним – не делали, чем-чем не лечили...

Кухарка. Как же остановили-то?

Дарья Спиридоновна. А вот, вишь ты. Сидим мы так-то раз да и плачем. «Экое, – я говорю, – нашему роду пострамление!» А молодая-то хозяйюшка стоит перед зеркалом да ломается. Я и говорю: «Что это, говорю, Настасья Климов-

на, неужели на тебе креста-то нет! Мы, говорю, все в таком несчастье находимся, а тебе и горюшка мало!» Она этак вывернулась фертотом. «Мне-ста, говорит, что за дело? Я его не неволю пить-то...» Такое-то меня зло взяло! Я с сердцов-то и наступила на нее. «Да от кого ж он, говорю, пьет-то? Ты, говорю, в наш дом несчастье принесла!» Только мы кричим, а Иван-то Петрович что-то и застучал. Я к двери-то, думаю – не помер ли. А он, матушка ты моя, ходит по горнице да все руками отмахивается... так-то все отмахивает... Махал, махал, да как грохнется!.. И сделался вот, надо быть, мертвый. Как очнулся-то, и говорит: «Мне, говорит, было видение». Я и говорю: «Какое же вам, братец, было видение?» – «Не велено, говорит, сказывать. Все, говорит, можно сказать, только одного слова нельзя говорить».

Кухарка. Да, вот тоже, как я у господ жила, так барской камардин так-то помер, – запил тоже, да на другой день и очнулся. Стали его допрашивать, – все сказал, только одного слова недопросили.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Амосович.

Амосович. Что, матушка, не слышать ли чего?

Дарья Спиридоновна. Ах, Амосыч, пропала наша головушка! Ведь запил!

Амосович. В такую, знать, компанию попал... в пью-

щую... Эхма! Слабостям-то мы, матушка, больно подвержены; тешим плоть свою на сем свете, а об часе-то смертном не подумаем. А ведь окаянному это на руку: он в те поры так за нами и ходит, так в греховные узы-то нас и опутывает.

Дарья Спиридоновна. Давно я тебя не видала, Петр Амосыч. Что дочка-то твоя?

Амосович. Ничего... живет. Видел намедни в соборе. Хотел было подойти, да боюсь – огорчишь, ведь барыня; против других совестно будет, вишь я какой! А то вот зимой-то ходил с ангелом поздравить, да на глаза-то не приняла. «Гостей, говорит, много». Посидел там у них в кухне, погрелся. Спасибо, кухарка у них такая добрая, рюмочку поднесла да обедать с собою посадила... А экономка с лакеем двугривенничек выслала... все добрые люди, матушка. Вот теперь хоть бы Иван Петрович: фа-терку мне дает, все у меня свое тепло есть, а то, зимнее-то дело, ложись да помирай. Что говорить, матушка, не легко есть чужой хлеб, коли сам народ кормил... Совестно, матушка! Иной раз пораздумаешься – кусок в горло нейдет...

Дарья Спиридоновна. Что ж вы у дочери-то не живете? Неужели на ней креста-то нет, что она вас на старости и согреть не хочет? Неужели она не боится божеского наказания?

Амосович. Ну, бог с ней! Ведь бог все видит!.. Отец и денно и ночью пекся об ней, а она против родителя... Захотелось вишь благородной, барыней быть захотелось!.. Ведь она, матушка, без моего благословения с барином под венец-то

пошла. *(Плачет.)* Да я ей, матушка, и то простил. Я ей все отдал, все, что еще старики накопили, я ей отдал. На, дочка, живи да нашу старость покой, а она... ну, бог с ней! Ты подумай, матушка, кабы я пьяница был...

За сценой голос Ивана Петровича: «В гостях хорошо, а дома лучше».

ЯВЛЕНИЕ V

Вихров очень навеселе и Щурков.

Вихров, *(входя)*

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота.

Вот мы к тебе вся компания!

Амосович. Эх, Иван Петрович, на старости ты лет...

Вихров. Что ты мне можешь препятствовать? Вон сейчас! Ты моей милостью на свете живешь. Я тебя с лица земного сотру! Вон!

Дарья Спиридоновна. Ее нет, братец.

Вихров. А, сестрица любезная! А где жена?

Дарья Спиридоновна. Ее нет, братец.

Вихров. Зачем же ты на мои глаза показалась?

Дарья Спиридоновна. Я навестить вас пришла, братец.

Вихров. Ладно, ступай в свое место. *(Обращаясь к Щур-*

кову.) Ну, ты, прощальга! Представляй киятры.

Щурков. Это можно-с, только гитарки-то нет-с.

ЯВЛЕНИЕ VI

Настасья Климовна (*вбегают*). Да что это ты, батюшка, вздумал на старости лет крамбольничать-то?

Вихров. Молчать! Ходи в страхе! Топну ногой – понимай, что значит.

Настасья Климовна (*к Щуркову*). Ты что за человек?

Вихров. Гони его в шею – это грабитель.

Щурков. В гости звали, да и гнать-с!

Вихров. Сволочь! Вот как мы об тебе понимаем. (*Опускает голову на стол.*)

Настасья Климовна. Вон, вон!..

Щурков. Конечно, сударыня, средства мои не позволяют мне быть хорошо одетым, но и в несчастном положении я сохранил благородные чувства. Конечно, благодетель мой в таком виде и отрекомендовали меня...

Настасья Климовна. Ступай, ступай!

Щурков. Позвольте мне, как благородному человеку, просить рюмку водки.

Настасья Климовна. Да с чего ты взял? Пришел в чужой дом незванный и непрошенный...

Щурков. В таком случае позвольте мне с вами проститься».

Настасья Климовна. Прощай, батюшка, ничего...

Амосович. Ступай, коли говорят, ступай...

Щурков подходит к Настасье Климовне и протягивает ей руку.

Настасья Климовна. Это ты что еще выдумал?

Щурков. Я уважаю вас как строгую женщину, а потому прошу позволения поцеловать вашу руку.

Настасья Климовна. Нет, батюшка, мы отродясь такими делами не занимаемся.

Щурков. Как вам угодно-с. Впрочем, если вам не будет составлять беспокойства, позвольте мне рюмку водки.

Настасья Климовна. Вон!

Щурков медленно уходит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, без Щуркова, Вихров (подымая голову). А где мои гости? Давай нам музыку. Аленка, валяй вприсядку.

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота...

Настасья Климовна. Опомнись, Иван Петрович...

Вихров. Прочь! Где моя подруга жизни?

Настасья Климовна. Досталось твоей подруге-то жизни; тебя бы...

Вихров. Меня? Не смей!.. Меня грабить!.. Я загулял, а меня грабить!.. Дарья Спиридоновна, я в Марьину рощу попал, а за что они меня били? Деньги были мои... три тысячи серебром денег-то было... За что они меня били?...

Все. Кто же тебя бил-то?

Вихров. Все меня били!.. Тимошка, ты хочешь лошадь пропить, потому хозяин этого чувствовать не может... Врешь!.. Меня ограбили!.. Меня ядом напоили, я помереть должен!.. Я пропащий человек! За что они меня били?... Цыганка... она меня у... уду... удушить хотела... За что они меня били? (*Опускает голову на стол.*)

Дарья Спиридоновна. Должно быть, сестрица, и впрямь его опутали.

Настасья Климовна. За что же они его били-то?

Амосович. Такая уж компания... пьющая!

Дарья Спиридоновна. Да ничего, сестрица. С моим покойником часто бывали такие оказии-то. Пройдет!

«Отечественные записки» На 9, 1855 г.

С широкой масленицей

Сцены

(Сцена представляет трактир в московском захолустье.

За столом сидят купцы, мещане, мастеровые и т. п.)

– С широкой масленицей имею честь поздравить!

– И вас также.

– Масленица – сила большая! Наскрозь всю империю произойди – всякий ее почитает. Хотя она не праздник, а больше всякого праздника. Теперича народ так закрутится, так завертится – давай только ему ходу!.. Сторонись, пироги: блины пришли! Кушай душе на утешенье, поминай своих родителей!

– Да, уж именно... увеселенье публике большое!..

– Вчера наш хозяин уже разрешение сделал: часу до четвертого ночи портером восхищались.

– Православные, с широкой масленицей! Дай бог всем! Теперича масленица, опосля того покаяние! Ежели, примерно, воровал али что хуже – во всем покаемся и сейчас сызнова начнем. Все люди, все человеки! Трудно, а бог милостив! Мне бы теперь кисленького чего... я бы, может, человек был...

– Бедный я человек, неимущий гражданчик, можно сказать – горе горецкое, а блинков поел!.. Благодарю моего гос-

пода бога! Так поел, кажется...

– Дорвался!

– Дорвался! Верное твое слово – дорвался. Штук тридцать без передышки! Инда в глазах помутилось!..

– Что ж, ведь обиды ты никому не сделал...

– Кухарку, может, обидел, заставил стараться, а то никого...

– Семен Иваныч, блины изволили кушать?

– Да я крещеный человек аль нет? Эх ты... образов вание!..

– Что у вас: сюжет насчет масленицы? Так я вам могу доложить, что супротив прежних годов обстоятельства ее очень изменились, и ежели где справляют ее по-настоящему, так это у папы римского, но только, между прочим, заместо блинов конфеты едят.

– Тьфу! Разве может конфета против блина выстоять?

– Блин покруче конфеты; как возможно!.. Конфете с человеком того не сделать, что блин сделает.

– Блин, ежели он хороший, толстый да его есть без разума, – об душе задумаешься.

– Человеком! Иному ничего, ешь его только с чистым сердцем.

– Я больше со сметаной обожаю...

– И сейчас это папа римский выдет на балкон, благословит публику с широкой масленицей, и сейчас все начнут действовать, кто как умеет: которые колесом ходят, которые пес-

ни поют, которые на гитаре стараются, а которые в уме помутятся – мукой в публику кидают, и обиды от этого никому нет, потому всем разрешение, чтобы как чудней. Огни разложат... Превосходно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.